

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Б.В. Титлинов

**Из истории русской
церкви 30-х годов 18 века:
общий взгляд на церковную политику
правительства императрицы Анны Иоановны**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 11. С. 615-629.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

30-хъ ГОДОВЪ ХVIII ВѢКА.

Общій взглядъ на церковную политику правительства императрицы
Анны Иоанновны.

I.

Отзывы елизаветинскаго времени объ аннинскомъ царствованіи.—Пра-
вительство Анны.—Кабинеть.—Императрица.—Биронъ.

КОГДА вступила на престолъ императрица Анна Иоан-
новна (1730 — 1740 г.), то архіепископъ новгородскій
Феофанъ Прокоповичъ въ порывѣ радости воспѣлъ это
событіе горячими стихами:

Прочь, устунай прочь
Печальная ночь.
Солнце восходитъ,
Свѣтъ возводитъ,
Прочь, устудай прочь
Печальная ночь.

Коликій у насъ мракъ былъ и ужась.
Солнце Анна возсіала
Свѣтлый намъ день даровала.. ¹⁾

Здѣсь слышится предчувствіе свѣтлыхъ дней для русскаго
народа и, конечно, и для русскаго духовенства, представите-
лемъ котораго былъ Феофанъ. Въ Аннѣ опъ предвидѣлъ «солнце,
грѣющее лучами всероссійскій вертоградъ широкій» ²⁾, осо-

¹⁾ Чистовичъ. Феофанъ Прокоповичъ, стр. 294.

²⁾ Ibid. стр. 295.

бенно благостное для него лично, послѣ неблагопріятныхъ лѣтъ двухъ предшествовавшихъ царствованій. Но минуло десять лѣтъ, скончалась имп. Анна; прошелъ еще годъ—вступила на престолъ дочь Петра Великаго—Елизавета. И вотъ какіе отзывы о временахъ «живительнаго солнца» слышимъ мы изъ устъ представителей духовнаго сословія о тогдашнемъ положеніи «россійскаго вертограда», о правительственномъ отношеніи къ церкви и ея интересамъ. Амвросій Юшкевичъ, архіеп. повгородскій, говоритъ о минувшихъ годахъ аннинскаго правленія (18 ноября 1741 г.): «На благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняють. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спросимъ—за что? больше отвѣта не услышимъ, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемеръ, ни къ чему негодный... Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ въ тайную похищали; въ страдныхъ узилницахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали» ¹⁾. «Весь обще чинъ духовный, говоритъ позже (15 іюля 1744 г.) тотъ же Амвросій, равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единого въ немъ посвященія и характеру пастырскаго и не признавали, и для того сами собою пастырей и священниковъ безъ суда правильнаго назначали, предающе оныхъ на узы и темницы, на преподнія заключенія и безвѣстныя ссылки; но еще тѣмъ не довольствовалась лютость оная, бросилась было звѣрски и на убожество монашеское... однихъ подъ претекстомъ интересу и тайнаго дѣла безчеловѣчно мучили, другихъ на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашей разстригали и въ солдаты отдавали, третьихъ въ далечайшія и безлюдныя ссылки на край свѣта посылали, а новыхъ на ихъ мѣсто принимать и постригать накрѣпко запрещали» ²⁾.

«Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ,—говоритъ Кирилль

¹⁾ *Тихомировъ*. Лѣтописи рус. литературы, т. II. Придворн. проповѣди въ царств. имп. Елизаветы. *Н. Поповъ*. Стр. 5.

²⁾ *Ibid.* стр. 25—26.

Флоринскій (18 ноября 1741 г.),—что Остерманъ и Минихъ съ своимъ соимщикомъ вѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сіе бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству российскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи, правотѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ» ¹⁾).

«Было неблагопріятное время, — слышимъ мы изъ устъ третьяго проповѣдника, Дмитрія Сѣченова (25 марта 1742 г.). Противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсенію насъ сыскали способъ, показывали себѣ, аки бы они вѣрныя государству слуги, аки бы они сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, колікій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ российскихъ отрыгнули; колікое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру оставили, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали... Догматы христіанскіе въ басни и ни во что поставляли; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; преданія апостольскія и св. отецъ отвергали... А наипаче колікое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучали, казнили; разстригали; непрестанныя почты, и водою, и сухимъ путемъ—куда? зачѣмъ?—монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали, и устъ не смѣли о благочестіи отверзти» ²⁾).

Много горечи и ненависти къ аннинскимъ временамъ слышится въ этихъ негодующихъ проповѣдяхъ елизаветинскаго царствованія. Нельзя, конечно, отрицать здѣсь ораторскаго превеличенія, нельзя искать и вѣрнаго объясненія историческихъ фактовъ; но, все-таки, большая доля правды заключается въ обвиненіяхъ, возводимыхъ проповѣдниками на правительство 30-хъ годовъ XVIII вѣка. Православію не грозила опасность «искорененія»—это такъ; на догматы христіанскіе никто не по-

¹⁾ Ibid. стр. 9.

²⁾ Ibid. стр. 12—14.

кушались изъ правителей нѣмцевъ; но кровавое зарево сѣвернаго сіянія, залившее небосклонъ въ ночь съ 25 февраля 1730 г.—день провозглашенія самодержавія Анны Иоанновны—не напрасно привело въ ужасъ суевѣрный народъ. Кровавый свѣтъ его освѣщаетъ все аннинское царствованіе, озаряетъ и положеніе церкви русской. Не мало жертвъ вырвала изъ среды духовенства Тайная Канцелярія, не мало ихъ погибло, изувѣчено въ ея таинственныхъ, полныхъ ужаса, застѣнкахъ. Многіе извѣдали трудную дорогу въ холодную Сибирь, на далекій, непріютный сѣверъ; многіе испытали горькую солдатскую долю, постѣ служенія церкви, перѣдко долготѣяго. Все это мы увидимъ дальше; теперь предъ нами другой вопросъ: кто виновникъ этого положенія? Какія историческія условія создали его? Почему «широкій вертоградъ россійскій», въ частности духовный, былъ озаренъ не свѣтлыми лучами солнца, какъ предсказывала поэтическая муза Ософана Прокоповича, а кровавымъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія?

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ государственнаго управленія въ разсматриваемый нами періодъ времени.

Едва Анна Иоанновна вступила на престолъ и приобрѣла права самодержавной императрицы (25 февраля 1730 г.), какъ началось преобразование центральнаго управленія. Манифестомъ 4-го марта 1730 года былъ уничтоженъ Верховный Тайный Совѣтъ, стоявшій во главѣ государства при Петрѣ II-мъ, и Высокій Сенатъ; возстановлялся вмѣсто нихъ по прежнему Правительствующій Сенатъ, «на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при Петрѣ Великомъ былъ»¹⁾. Однако, возстановленному Сенату не удалось стать во главѣ государственнаго управленія и приобрѣсти большое вліяніе на дѣла. Многолюдный (21 членъ) и блестящій Сенатъ не былъ симпатиченъ государынѣ, напоминая ей отчасти Верховный Т. Совѣтъ, покусившійся на ограниченіе ея власти. По мысли главнаго совѣтника императрицы Остермана, съ самаго же начала было предположено сосредоточить высшее управленіе и всѣ нити правительственной организаціи въ рукахъ учрежденія, близко стоящаго къ государынѣ, составляющаго ея домашній совѣтъ, вполне ей преданный, дѣйствующій отъ ея имени и подъ ея руководствомъ. Въ 1731 г. предположеніе уже перешло въ дѣйствительность.

¹⁾ Полное Собр. Закон. VIII, 5510.

18 октября данъ именной указъ объ учрежденіи Кабинета, объявленный его членамъ-министрамъ и Сенату, а 10 (собственно 6-го) ноября послѣдовалъ именной указъ Сенату, предназначенный во всеобщее опубликованіе: «Понеже мы, для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Нашему Всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, заблагоразсудили учредить при дворѣ нашемъ Кабинетъ, и въ оный опредѣлить изъ министровъ нашихъ канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, дѣйств. тайнаго совѣтника кн. Черкаскаго, того де ради объ этомъ всемилостивѣйше объявляемъ»¹⁾.

Съ этого времени до конца царствованія Анны Кабинетъ стоялъ во главѣ правленія, занявъ мѣсто между Сенатомъ и верховною властію; Сенату, Синоду, коллегіямъ и канцеляріямъ приказано было подавать ежемѣсячно рапорты въ Кабинетъ о производящихся дѣлахъ, для наблюденія за своевременнымъ ихъ рѣшеніемъ, и этимъ новое учрежденіе приобрѣтало право высшаго контроля²⁾. Въ указѣ 18 октября 1731 г. дѣятельность Кабинета опредѣлялась въ томъ видѣ, что кабинетъ-министры будутъ съ одной стороны докладчиками предъ императрицей «о всѣхъ дѣлахъ и о всемъ прочемъ, что и къ нашимъ интересамъ и пользѣ государства и подданныхъ нашихъ касаться будетъ», а съ другой, будутъ объявлять, кому надлежитъ, ея резолюція. Такимъ образомъ, въ началѣ Кабинетъ былъ органомъ служебнымъ; но и въ этомъ положеніи, какъ ближайшій совѣтъ императрицы, посредникъ между ею и всѣми прочими правительственными учрежденіями, онъ фактически являлся правителемъ государства, хотя самъ оставался еще въ тѣни оффиціально, дѣйствуя подъ прикрытіемъ имени императрицы. Близость къ верховной власти, близость даже про-

¹⁾ П. С. З. VIII, 5871.

²⁾ Сообщаемыя здѣсь и ниже свѣдѣнія о Кабинетѣ заимствуются изъ слѣд. источниковъ: „Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генераль-прокуроры“, *А. Градовскаго*. Спб. 1866 г., стр. 146—160. „Государственный совѣтъ въ Россіи“. *В. Щеглова*. Яросл. 1892 г., стр. 609—625. „Новыя данныя о Кабинетѣ министровъ импер. Анны Іоанновны“, *А. Филипповъ*. Русск. мысль 1901 г. №№ 1, 4, 12. Въ этихъ сочиненіяхъ, а также въ предисловіи къ „Бумагамъ Кабинета“ (Сборн. русск. ист. общ. т. 104), и въ друг. сочиненіяхъ Филиппова о Кабинетѣ содержатся подробныя свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи.

странственная (Кабинетъ, обычно, помѣщался въ томъ дворцѣ, гдѣ пребывала государыня), его совѣщательное и исполнительное положеніе превращала въ первенствующее; чрезъ него обычно сообщалась высочайшая воля, а направленіе высочайшимъ рѣшеніямъ, естественно, давали близко знакомые съ ходомъ дѣлъ кабинетъ-министры, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ. Такъ было до половины 1735 года. Характеризуя дѣятельность кабинета первыхъ лѣтъ аннинскаго царствованія, А. Филипповъ говоритъ, что при самомъ учрежденіи Кабинета «было ясно одно: кабинетъ будетъ ближайшимъ официальнымъ совѣтомъ императрицы; онъ, сосредоточивая въ себѣ всѣ свѣдѣнія о движеніи дѣлъ въ учрежденіяхъ и докладывая о нихъ время отъ времени государынѣ, получить возможность отдавать, именемъ императрицы, *приказы*, а также и *контролировать* всѣ дѣйствія тѣхъ или другихъ учреждений, хотя бы прямо и опредѣленно изданныя узаконенія его къ этому и не уполномочивали... На этой благодарной для развитія почвѣ и началась дѣятельность Кабинета. Поэтому, насколько блѣдна и бѣдна была вообще *указная* дѣятельность Кабинета въ первые годы его существованія, настолько богата и всесторонняя была его *приказная* дѣятельность. То въ силу своего положенія, какъ ближайшаго и постояннаго совѣта при императрицѣ, то въ силу особыхъ (большей частью словесныхъ) ея повелѣній, испрошенныхъ министрами на докладахъ, кабинетъ постоянно отдавалъ—тоже по большей части словесно—приказы всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, какимъ только находилъ это нужнымъ и въ цѣляхъ полноты и всесторонности тѣхъ же докладовъ императрицѣ обращался къ нимъ за всевозможными свѣдѣніями и мнѣніями, которыя и получалъ то непосредственно, то черезъ государыню. Ничего не передѣлывая и ни на что, повидному, не покушаясь, онъ держалъ учрежденія и лица въ постоянномъ напряженіи и достигалъ простыми средствами очень важныхъ, съ своей точки зрѣнія, результатовъ»¹⁾.

9 июня 1735 г. послѣдовало высоч. распоряженіе, которымъ указы, подписанные тремя кабинетъ-министрами, получали силу именныхъ указовъ²⁾. Съ этого момента начинается для Кабинета періодъ усиленной дѣятельности на новыхъ осно-

¹⁾ Вышеупом. статья Филиппова въ „Русск. Мысли“, № 1, стр. 11—12.

²⁾ П. С. З. IX, 6745.

вапіяхъ. Теперь уже онъ не стоитъ въ тѣни, а дѣйствуетъ оффиціально, какъ органъ высшей государственной власти. Число указовъ, подписанныхъ кабинетъ-министрами, весьма многочисленно, гораздо многочисленнѣе въ этотъ періодъ времени, чѣмъ число указовъ, подписанныхъ самой императрицею. Относительно церковныхъ дѣлъ это мы можемъ сказать съ особенною опредѣленностью: громадное большинство указовъ послѣднихъ лѣтъ аннинскаго правленія, касающихся церкви, подписаны кабинетъ-министрами. При этомъ, хотя въ указѣ 9-го іюня признаются за именныя указы за подписью трехъ членовъ Кабинета, въ дѣйствительности достаточною считалась подпись двухъ; въ большинствѣ случаевъ интересовавшіе насъ акты подписаны Остерманомъ и Черкасскимъ. Теперь всѣ органы государственнаго управленія представляли доклады на имя императрицы въ Кабинетъ, или же прямо на имя Кабинета, испрашивая «высокоповелительной» резолюціи кабинетъ-министровъ. Въ такомъ положеніи по отношенію къ Кабинету находился Св. Синодъ—высшее церковное правительство. Кабинетъ держалъ твердо въ рукахъ бразды правленія, и во вторую половину тридцатыхъ годовъ являлся фактически и оффиціально правителемъ государства. Повидимому, императрица, съ теченіемъ времени, все болѣе полагалась на свой Кабинетъ и предоставила ему полную свободу править царствомъ. Онъ правилъ, и его режимъ такъ тяжело ложился на прочія учрежденія, что лишалъ ихъ самостоятельности даже въ вопросахъ, касающихся ихъ спеціального вѣдомства. Такъ, именно, было съ Св. Синодомъ. Если Сенатъ къ концу царствованія Анны сталъ подниматься и проявлять попытки къ возвращенію прежняго значенія, то о Синодѣ сказать этого нельзя: его положеніе было унижено до возможнаго minimum'a. Отношенія Синода къ Кабинету иногда поражаютъ своею приниженностью. Синодъ подаетъ сообщенія, но въ дѣйствительности—это покорныя просьбы, часто даже не къ императрицѣ, а къ кабинетъ-министрамъ. Кабинетъ нерѣдко отказываетъ церковному правительству, не принимая его самыхъ убѣдительныхъ доводовъ; иногда онъ не обращаетъ вниманія на синодскіе доклады и оставляетъ ихъ безъ послѣдствій. Синодская дѣятельность въ вопросахъ, затрагивающихъ интересы государственныхъ, подчинена самому строгому контролю и находится подъ доминирующимъ вліяніемъ внѣшней свыше. Были случаи, — кабинетъ болѣе затрагивалъ церковныя интересы: тутъ бы,

казалось, Синоду сказать свое слово, выступить съ рѣшительнымъ представленіемъ; но Синодъ молчить и безпрекословно исполняетъ кабинетскія распоряженія. Режимъ правительства уничтожалъ всякія попытки къ самозащитѣ. Доходило до того, что Синодъ не осмѣливался безъ кабинетскаго указа дѣлать распоряженія даже въ сферѣ, опредѣленной прежними указами верховной власти: за каждымъ недоумьбіемъ онъ обращался въ Кабинетъ и испрашивалъ «высокоименительной» резолюціи. Напуганное репрессіями и печальною судьбою нѣкоторыхъ іерарховъ, синодальное правительство, желая выказать свое рвеніе передъ свѣтскою властью, забѣгало въ иныхъ случаяхъ впередъ, издавало какое-либо суровое постановленіе прежде, чѣмъ получался о томъ указъ изъ кабинета или отъ императрицы, опредѣляло наказанія и взысканія съ усиленною суровостью, часто излишней и непонятной въ лицѣ блюстителей интересовъ церкви.

Таково было устройство государственнаго управленія въ правленіе Анны Іоанновны. Кто же направлялъ ходъ правительственной машины и, въ частности, былъ инициаторомъ политики въ церковныхъ дѣлахъ? Кабинетъ стоялъ у кормила власти; но выше кабинета была государыня, отъ которой онъ получалъ свою санкцію. Не ей ли принадлежало первепствующее *фактическое* вліяніе на дѣла, не она ли была душою своего ближайшаго совѣта? Характеристика императрицы Анны лучше всего отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Средняя дочь царя Іоанна Алексѣевича, Анна Іоанновна въ своей жизни претерпѣла не мало невзгодъ. При Великомъ дядѣ ея положеніе было незавидно. Выданная замужъ изъ политическихъ расчетовъ за герцога курляндскаго Фридриха Вильгельма, она чрезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы осталась молодою вдовою и съ тѣхъ поръ (711 г.), до выбора на императорскій престолъ, проводила грустную, обездоленную жизнь въ Курляндіи. Быть можетъ, измѣнчивая судьба создала неровныя черты ея характера; какъ бы то ни было, современники указываютъ въ ея нравѣ и поведеніи черты, прямо противорѣчивыя. Она добра, сострадательна, великодушна. Леди Рондо говоритъ о ней: «Я нѣсколько разъ видѣла, какъ печальные рассказы вызывали на ея глазахъ слезы; она обнаруживала врожденный страхъ ко всему, что имѣетъ отгѣнокъ жестокости; сердце ея одарено такими хорошими качествами, какихъ мнѣ никогда не удавалось видѣть у кого бы то ни

было, и это,—принимая въ соображеніе ту власть, которая ей принадлежить,—кажется особеннымъ знаменіемъ божественной благодати»¹⁾. Но рядомъ съ этимъ въ Аннѣ уживалась грубость и жестокость. Кн. М. М. Щербатовъ²⁾ приписываетъ ей грубый природный нравъ, который «не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадя крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала». Никто изъ современниковъ не отказывалъ Аннѣ въ здоровомъ разсудкѣ, природномъ умѣ, хотя онъ не былъ «блистательнымъ разумомъ» (Щербатовъ). Всѣ говорятъ о ея религіозности, набожности женщины въ старомъ русскомъ стилѣ виѣшняго обрядоваго благочестія, переходящаго иногда даже въ суевѣріе³⁾. Воспитанная въ патриархальномъ домѣ матери царицы Прасковьи Θεодоровны, Анна Иоанновна въ религіозномъ отношеніи тяготѣла всецѣло къ до-петровской Руси. Она любитъ виѣшность, торжественныя церемоніи и выходы; охотно слушаетъ душеснасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей... Она заботится объ исправномъ поминованіи по своей сестрѣ Прасковѣ Иоанновнѣ и о сооруженіи церкви надъ ея могилой въ Вознесенскомъ московскомъ монастырѣ; устраниваетъ новую богатую раку для мощей преп. Сергія Радонежскаго, входитъ въ мельчайшія подробности о снабженіи всѣмъ необходимымъ вновь строящейся въ Петербургѣ Петропавловской церкви и объ освященіи ея; выискаеть подробно въ монастырскую жизнь... хлопочеть о помѣщеніи въ монастыри бѣдныхъ и убогихъ старушекъ. Къ своему духовнику, архимандриту Троицкой лавры Варлааму, Анна выражаетъ искреннее почтеніе и сердечную привязанность: она называетъ его батюшкой и заботится объ удобствахъ его при поѣздкахъ изъ Петербурга въ Москву и при его пребываніи въ Москвѣ; она даетъ ему проводниковъ

¹⁾ Записки иностранцевъ о Россіи, т. I. Письма леди Рондо, стр. 64. Эти качества приписываютъ ей фельдмаршалъ Минихъ (Записки, Спб. 1844 г., стр. 69), Вейдемейеръ (Обзоръ главн. происш. въ Россіи, ч. II, стр. 92—94), Манштейнъ (стр. 194) и др. современники (Джюк де-Леріа, Записки, стр. 144).

²⁾ О поврежденіи нравовъ въ Россіи. „Русск. Старина“, 1870 г. Июль, стр. 50—51.

³⁾ Вейдемейеръ, стр. 107.

и просить Салтыкова, чтобы онъ оказывать ему въ Москвѣ «всякое содѣйствіе въ его нуждахъ» ¹⁾).

Обладая многими хорошими качествами, Анна, однако, мало проявляла ихъ, какъ императрица. Она любила больше развлеченія, балы, маскарады, охоту, придворныхъ шутовъ и дураковъ, чѣмъ тяжелую обязанность заниматься государственными дѣлами. Первое время по вступленіи на престолъ, бывшая курляндская герцогиня, почувствовавъ въ своихъ рукахъ власть, интересовалась еще дѣлами правленія и подавала надежды быть самостоятельной правительницею государства. Такъ долго удаленная отъ дѣлъ правленія, Анна Ивановна «теперь желала знать о всѣхъ дѣлахъ сама и видѣть все собственными глазами» (Манштейнъ, I, 57), она «не хотѣла допускать, чтобы кто-либо управлялъ ею» (Ле-Форть) ²⁾. Испанскій посланникъ Дюкъ де-Лерія въ 1730 г. писалъ объ императрицѣ, что она «строго требуетъ повиновенія себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ» ³⁾. Но это продолжалось не долго. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ государыня все больше удалялась отъ дѣлъ, предоставивъ ихъ своимъ министрамъ, все больше теряла самостоятельность, подчиняясь вліянію окружающихъ. Кн. Щербатовъ выражается въ этомъ отношеніи объ Аннѣ еще довольно умѣренно, когда говоритъ, что она «довольно для жепщины прилежна въ дѣлахъ и любительница порядку и благоустройства, ничего снѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея указанія суть ясны и основательны» ⁴⁾. Свидѣтельства современниковъ убѣждаютъ насъ, что императрица не просто совѣтовалась съ министрами и окружающими, а вполне полагалась на нихъ и подчинялась ихъ вліянію. Фельдмаршалъ Минихъ пишетъ объ Аннѣ: «Эта великая государыня обладала отъ природы великими достоинствами. Она имѣла ясный проицательный умъ, знала свойства окружающихъ ее лицъ, любила порядокъ и великолѣпіе, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ при ней; она была великодушна и однимъ изъ ея удовольствій было — дѣлать добро и щедро

¹⁾ *Корсаковъ*. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Каз., 1880 г., стр. 60—62.

²⁾ *Щегловъ*. Госуд. Совѣтъ, стр. 610.

³⁾ Записки Дюка Лирійскаго. Изд. 1845 г., стр. 114.

⁴⁾ *Щербатовъ*. О поврежд. нр., стр. 51.

награждать заслуги. Но недостатокъ ея заключался въ томъ, что она любила спокойствіе и совсѣмъ не занималась дѣлами, предоставляя все произволу своихъ министровъ. Этому обстоятельству должно приписать несчастье, постигшее Долгорукихъ и Голицыныхъ, которые сдѣлались жертвами Остермана и Черкаскаго... Биронъ погубилъ Волинскаго, Ерошкина и ихъ друзей... Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица горько плакала, когда Биронъ въ раздраженіи угрожалъ покинуть ее, если она не пожертвуетъ ему Волинскимъ и другими» ¹⁾. А сынъ фельдмаршала, гр. Мишихъ, говоритъ: «Даже ничто не помрачило бы сіянія сей императрицы, кромѣ, что она болѣе собственному прогибленію, нежели законамъ и справедливости стѣдовала. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и собогѣзнованіемъ; но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ нея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ курляндскій даже до кончины ея неослабно» ²⁾.

Изъ сказаннаго ясно, что характеръ императрицы не позволяетъ считать ее душою учрежденнаго ею кабинета, кормчимъ государственнаго корабля. Нельзя видѣть въ ней и виновницу правительственныхъ отношеній къ церкви въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка. Правда, набожность и религіозность Анны еще не служатъ полнымъ ручательствомъ, что не она создала то положеніе дѣлъ, о которомъ съ такою ненавистью отзывалось духовенство при Елизаветѣ: противорѣчивыя черты ея характера, гдѣ жестокость уживалась съ добротою, допускали возможность проявленія жестокости и къ лицамъ духовнаго сословія, возбуждившимъ ея недовольствіе. Но мы не можемъ никакъ предположить, чтобы та систематическая, неуклонная и послѣдовательная политика, которой стѣдовала государственная власть при Аннѣ въ сферѣ церковныхъ вопросовъ, была дѣломъ императрицы: ея полупассивная роль въ правительственной машинѣ отрицаетъ такое предположеніе, а ея древнерусская набожность, допускающая случаи отдѣльныхъ суровостей, но не болѣе, окончательно дѣлаетъ его невозможнымъ.

Современники Анны указываютъ на Бирона, какъ главнаго руководителя волей государыни. На него впоследствии возводили самыя тяжкія обвиненія, въ немъ видѣли виновника

¹⁾ Записки, стр. 62—63.

²⁾ Письма леди Рондо, стр. 177—178. Примѣчанія.

всѣхъ бѣдъ и жестокостей аштинскаго царствованія. Не наше дѣло разбирать справедливость этихъ обвиненій вообще (она весьма сомнительна); но что касается, церкви, тутъ подобныя обвиненія совершенно не подтверждаются. Послѣ смерти императрицы ненависть духовнаго сословія обрушилась на Бирона, вмѣстѣ съ другими нѣмцами; глословныя рѣчи о «злобѣ временика», отъ которой страдала якобы и церковь православная, раздавались часто и раздаются доселѣ въ нашей литературѣ; но факты ихъ совсѣмъ не подтверждаютъ. Документальныхъ доказательствъ, что Биронъ вообще участвовалъ въ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ церковныхъ, мы не имѣемъ. Отъ него зависѣло многое,—это такъ. Однако, вліяніе временика простиралось больше на внѣшнюю политику и главнымъ образомъ дворцовую (если можно такъ выразиться); отъ дѣлъ внутренняго управленія онъ стоялъ въ сторонѣ. Конечно, при желаніи Биронъ могъ управлять и здѣсь; но для этого нуженъ былъ трудъ, хорошее знакомство съ дѣлами, а у Бирона не было для того ни нужды, ни охоты. Онъ самъ свидѣтельствовалъ, что во внутреннее управленіе онъ не вмѣшивался и за него не можетъ отвѣчать. Когда, по низверженіи его обвиняли въ такомъ вмѣшательствѣ, то онъ отвѣчалъ на это обвиненіе, что «если помимо своей оберъ-камергерской должности, онъ часто по дѣламъ въ совѣтъ призыванъ былъ, то въ томъ ему послушно быть было невозможно, токмо, что до государственныхъ дѣлъ, то въ тѣхъ онъ всегда публично отговаривался, представляя въ томъ свое недознаніе, въ чемъ онъ ссылается на тѣхъ, которые часто въ такихъ случаяхъ присутствовали, а въ противномъ случаѣ можетъ въ томъ и свидѣтелей по именамъ объявить, отъ чего слѣдуетъ, что въ такихъ дѣлахъ отъ него непорядку и интересу предосужденія быть не могло» ¹⁾. Въ письмѣ къ Салтыкову онъ говоритъ подобное же (Соловьевъ XX, 411). Правда, существуютъ довольно важныя отрицательныя свидѣтельства, говорящія, повидимому, противъ высказаннаго мнѣнія. Свидѣтельства эти указываютъ въ герцога курляндскомъ негласную главу кабинета и его руководителя. Такъ у леди Рондо въ ея запискахъ мы читаемъ: «графу Остерману, вице-канцлеру имперіи поручены дѣла, по

¹⁾ Карновичъ. Значеніе бироновщины. „Отеч. Записки“ 1873 г., т. 211, стр. 94—5.

герцогъ управлять всѣмъ» ¹⁾. Фельдмаршалъ Миннихъ пишетъ, говоря объ учрежденіи Кабинета и назначеніи въ него Остермана и Черкаскаго, что «оба названныя министра находились въ совершенномъ подчиненіи у оберъ-камергера герцога Бирона, и не осмѣливались дѣлать ничего, что не правилось бы этому (фавориту» ²⁾. Манштейнъ говоритъ о немъ: «Въ первые два года Биронъ какъ будто ни во что не хотѣлъ вмѣшиваться, но потомъ ему полюбилась дѣла и онъ сталъ управлять уже всѣмъ» ³⁾. Авторъ «безымянной записки», хранящейся въ Дрезденскомъ государственномъ архивѣ, выражается объ Аннѣ, что «она въ сущности занята только своими удовольствіями и поощряетъ придворныхъ къ ускоренію ихъ полного раззоренія безумною роскошью. Касательно же правленія, она отдала всю власть своему дорогому герцогу курляндскому. Гр. Остерманъ считается помощникомъ герцога, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ. Правда, что герцогъ совѣтуется съ нимъ, какъ съ самымъ просвѣщеннымъ и опытнымъ министромъ въ Россіи, но онъ не довѣряетъ ему по многимъ важнымъ причинамъ» ⁴⁾. Въ манифестѣ же Іоанна III-го о заключеніи Бирона прямо указывается на него, какъ на виновника бѣды и церкви русской въ царствованіе Анны. Онъ якобы «съ начала своего вступленія въ російскую службу многихъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, которыхъ противными себѣ быть разсудить, чрезъ свои неправедныя и весьма ложныя вымышленныя клеветы, нѣкоторыхъ не весьма за важныя вины, а иныхъ и безвинно кровь пролить, а другихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ въ заточеніяхъ голодомъ и жаждою и несносными человѣческому естеству утѣсненіями даже до смерти умучить» ⁵⁾.

Но всѣ отрицательныя инстанціи не могутъ поколебать нашего сомнѣнія въ участіи Бирона въ церковно-государственной политикѣ. Когда говорятъ о вліяніи герцога на государственныя дѣла, то здѣсь сфера дѣлъ внутреннихъ еще не включается въ сферу бироновскаго вліянія. Напротивъ, и Рондо, и Миннихъ, и Манштейнъ, и авторъ дрезденской записки, по

¹⁾ Стр. 112.

²⁾ Записки, стр. 63.

³⁾ Записки о Россіи 1727—1744 гг. Спб. 1875. Стр. 32.

⁴⁾ Сборн. р. и. общ., т. XX, стр. 110—111.

⁵⁾ Дѣло о Биронѣ—въ Чт. въ общ. исторіи и др. рос. 1862, кн. I, стр. 101.

всей видимости, имѣли въ виду указать придворную роль Бирона и его участіе во вѣдѣнней политикѣ, а не то, чтобы онъ заправлялъ всѣмъ ходомъ государственной машины. Это ясно изъ общаго характера ихъ записокъ. Поэтому не вѣрять показанію самого Бирона мы не имѣемъ основаній, и, думается, не ошибемся, повѣривъ ему, не ошибемся особенно относительно интересующихъ насъ дѣлъ церковныхъ. Въ манифестѣ Іоанна Антоновича и невзгоды «духовныхъ чиновъ» приписываются павшему временщику; но если здѣсь есть правда, то лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ лицахъ. Можетъ быть въ несчастіяхъ нѣкоторыхъ русскихъ іерарховъ Биронъ имѣлъ какое либо участіе, и то не непосредственно, а по своей связи съ Ософаномъ Прокоповичемъ, находившимъ у него поддержку; такое предположеніе еще допустимо, хотя никакихъ фактическихъ доказательствъ мы не имѣемъ. Но отсюда до роли инициатора церковно-государственной политики еще далеко. Такую роль приписать Бирону невозможно. Если внутреннія дѣла въ широкомъ смыслѣ этого слова мало интересовали этого фаворита, то дѣла церкви еще менѣе. Эта область была для него совершенно чужда и незнакома. Недоброжелательства къ православной церкви у Бирона не было. Онъ былъ протестантъ, но, насколько извѣстны его религіозныя убѣжденія, отличался свойственною всѣмъ протестантамъ терпимостью, да и вообще не обладалъ большою религіозностью или религіознымъ рвеніемъ. Къ религіи русскаго народа онъ относился съ полнымъ уваженіемъ и отъ другихъ требовалъ того же. Такъ, онъ, по словамъ леди Рондо, убѣдилъ своего брата Густава исполнить погребальныя обряды при погребеніи его жены, чтобы не оказать неуваженія къ религіи русскихъ ¹⁾). По другому извѣстію, когда онъ получалъ въ Пельмѣ вѣсть о своемъ освобожденіи, то изъ накопленныхъ имъ въ ссылкѣ денегъ 1,500 р. послалъ 500 р. въ мѣстную приходскую церковь, прося священника отслужить напутственный молебенъ ²⁾).

Не имѣя права безъ документальныхъ доказательствъ приписать Бирону прямое вліяніе на направленіе правительственныхъ отношеній къ церкви при немѣннѣи основаній видѣть въ немъ главу внутренняго управленія, мы, такимъ образомъ,

¹⁾ Письма леди Рондо, стр. 82.

²⁾ „Отеч. Зап.“ 1873 г., т. 211, стр. 124. Значеніе бироновщины. Карновича.

должны отказаться отъ признанія за нимъ роли инициатора и руководителя церковной политики. Есть соображенія, допускающія его участіе здѣсь косвеннымъ образомъ, вслѣдствіе его близости къ императрицѣ; мы встрѣтимся съ ними ниже. Теперь же обратимся къ дѣйствительному правителю Россіи въ царствованіе Анны—Остерману *).

Б. Титлиновъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки